

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.9>

UDC 94(47).04+05

LBC 63.3(2)45

Submitted: 18.08.2025

Accepted: 11.01.2026

NUNS OF THE GORITSKY RESURRECTION CONVENT IN THE SECOND HALF OF THE 16th – 17th CENTURIES: ORIGIN, CAUSES, AND CIRCUMSTANCES OF TAKING THE VEIL

Tatyana V. Sazonova

Saint Petersburg Institute of History Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article deals with ways of forming the sisterhood of one of the Russian Orthodox convents in the 16th – 17th centuries – Goritsky Resurrection Nunnery. *Methods and materials.* This task is possible due to the analysis of a set of documents identified in the Russian State Archives of Ancient Documents; the Archives of the St. Petersburg Institute of the Russian Academy of Sciences; the State Archives of Vologda Region; the Department of Manuscripts of the National Library of Russia; the Department of Manuscripts of the State Library of Russia; and the Department of Written Sources of the State Historical Museum, including property inventories, accounting books, and detective cases. The relevance of the work stems from the fact that research on the formation of Orthodox monastic sisterhoods has not yet been undertaken. The generalization of the reasons for entering the monastery and the reasons for taking the veil by women in the second half of the 16th – 17th centuries should stem from the analysis of specific cases of individual convents, since each of them had its own peculiarities. *Analysis.* The Goritsky Convent represents a social cross-section of 17th-century Russian society. Representatives of the highest nobility, landowners, townspeople, and local peasant women lived in it. During the period under review, the Goritsky Convent was under care of the Kirillo-Belozersky Monastery. Since the Kirillovsky Monastery was often used as a place of detention for the disgraced, the Goritsky Convent, which was subordinate to it, also became a place of residence for exiled representatives of the upper strata of society. Some women considered the nunnery, not least, as a place for a quiet stay in old age or infirmity. For poor or difficult women, it was important to get permission to enter the nunnery without a contribution. Some of the nuns found themselves in the nunnery against their will. Some were forced to take a veil by their husbands, who decided to get rid of their unloved wives in this way. Sources indicate that in some cases, wives went to a nunnery by agreement with their ex-husband, while the latter undertook obligations to ensure her welfare. In other cases, husbands created unbearable living conditions for their wives and beat or even mutilated them. The church authorities prevented violent acts by husbands and punished clergymen who performed the ceremony of taking the veil without the consent of a woman. The Goritsky Convent is also known as a place of exile for women who have committed criminal or religious crimes, as well as nuns who led an inappropriate lifestyle. Among them were also representatives of the elite, like Princess Anna Khilkova, as well as the most ordinary women. Living at the convent could be part of a chain of punishments: the perpetrators could be sent here from another convent and, if they persisted, transferred to the next one. In addition, non-Orthodox prisoners could be held in the nunnery, for whom the convent became a place of detention or internment.

Key words: Russian Orthodox Church, monasticism, veil, Belozerye region, Goritsky Convent.

Citation. Sazonova T.V. Nuns of the Goritsky Resurrection Convent in the Second Half of the 16th – 17th Centuries: Origin, Causes, and Circumstances of Taking the Veil. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 1, pp. 99-111. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.9>

НАСЕЛЬНИЦЫ ГОРИЦКОГО ВОСКРЕСЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI – XVII в.: ИХ ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ПРИЧИНЫ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПОСТРИГА

Татьяна Викторовна Сазонова

Санкт-Петербургский институт истории РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье предпринята попытка показать пути формирования общины одного из русских женских православных монастырей во второй половине XVI – XVII в. – Горицкого Воскресенского. *Методы и материалы.* Благодаря историческому анализу комплекса документов по истории Горицкого монастыря второй половины XVI – XVII в., включающего опись монастырского имущества, приходо-расходные книги, сыскные дела Горицкого монастыря, многочисленные указные грамоты и другие документы о пострижении, которые отложились в РГАДА, Архиве СПБНИИ РАН, Государственном архиве Вологодской области, отделе рукописей РНБ и РГБ, отделе письменных источников ГИМ, возможно решение поставленной задачи. Обобщение причин нахождения в монастыре и пострига женщин второй половины XVI – XVII в. должно проистекать из анализа конкретных случаев по отдельным обителям, поскольку монастыри имели свои особенности. *Анализ.* Горицкий монастырь представляет собой социальный срез русского средневекового общества – в нем проживали и представительницы высшей знати, и помещицы, и посадские, и местные крестьянки. В рассматриваемый период Воскресенский Горицкий монастырь находился под опекой Кирилло-Белозерского монастыря. Поскольку кирилловский монастырь часто использовался как место содержания опальных, то и подначальная ему воскресенская обитель стала местом пребывания ссыльных представительниц высших слоев общества. Многие рассматривали монастырь как место для спокойного пребывания в старости или в немощи. Для бедных или оказавшихся в сложной ситуации женщин было важным добиться позволения постричься в монастырь без вклада. Ряд насельниц пребывали в обители не по своей воле. Некоторые женщины вынуждены были постричься по воле мужей, решивших таким образом избавиться от нелюбимых жен. Источники указывают, что в одних случаях жены уходили в монастырь по соглашению с бывшим мужем, причем последний брал обязательства по обеспечению ее проживания. В других случаях мужа создавали для жен невыносимые условия жизни, били их или даже увечили. Церковные власти препятствовали насильственным действиям мужей и наказывали священнослужителей, которые совершали обряд пострижения без согласия женщины. Горицкий монастырь известен также как место ссылки женщин, совершивших уголовные или религиозные преступления, или монахинь, которые вели неподобающий образ жизни. Среди них были как представительницы элиты, например княгиня Анна Хилкова, так и самые обычные женщины. Пребывание в Горицком монастыре могло быть частью цепи наказаний: провинившихся могли направить сюда из другого монастыря и в случае упорства перевести в следующий. Кроме того, в монастыре могли оказаться пленные татарки, то есть лица неправославного вероисповедания, для которых обитель становилась местом заключения или интернирования.

Ключевые слова: Русская православная церковь, монашество, постриг, Белозерский край, Горицкий монастырь.

Цитирование. Сазонова Т. В. Насельницы Горицкого Воскресенского монастыря во второй половине XVI – XVII в.: их происхождение, причины и обстоятельства пострига // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 1. – С. 99–111. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.1.9>

Введение. Горицкий монастырь находится на берегу Шексны в Белозерье в Вологодской области. Он был основан в первой половине XVI в. и длительное время являлся особножительным. Главными источниками существования монастыря была государева хлебная и де-

нежная руга, также вклады. Внутреннее устройство монастыря можно рассматривать как отражение общества того времени с его социальной и имущественной дифференциацией.

Монастырь выполнял функции богадельни, места пребывания незамужних, а также

вдовых женщин, места ссылки и, конечно, «государева богомолья» [26]. В монастыре находились монахини, слуги, ссыльные женщины, часть из которых должна была принять постриг – всех их можно условно считать насельницами, потому как они населяли обитель, то есть жили в монастыре.

В историографии и популярной литературе Горицкий монастырь обычно упоминается как место невольного пребывания женщин из знатных семейств [17]. В настоящей статье предпринята попытка показать, кто и почему оказывался в монастыре, по возможности установить причины и обстоятельства пребывания и пострижения.

Поскольку по истории женских монастырей сохранилось значительно меньше источников, чем по истории мужских, любой материал, касающийся конкретных случаев женских пострижений, имеет большую ценность даже в той ситуации, когда он отрывочен или когда мы не можем понять исход того или иного дела, вставить его в контекст подобных.

Чаще всего оказывается возможным лишь наметить существование того или иного явления. Чтобы проследить его развитие, обычно нужен материал не одного монастыря. Однако женские обители, в особенности те, которые, как Горицкий монастырь, можно считать средними по размеру и значению, малоизучены. Даже общая численность монахинь в горицкой обители может быть определена лишь приблизительно. Нам известно, что государева руга в Горицкий монастырь давалась на 70 монахинь. Но мы не можем из этого делать вывод, что такова была реальная численность насельниц. На практике в отдельные годы все могло быть по-разному. Не дают необходимых сведений и подсчеты упоминаний той или иной монахини в источниках, поскольку такие упоминания в принципе редки и порой за целые десятилетия неизвестно ни одного подобного случая. Следует учитывать также, что Горицкий монастырь был особножительным, то есть у монахинь не было общего хозяйства, сопровождавшегося подробной документацией.

Методы и материалы. Документов по истории женских монастырей XVII в., как уже было отмечено, сохранилось значительно меньше, чем по истории мужских. Это объяс-

няется иным характером хозяйства и другим уровнем их внешних связей. Тем не менее опись монастырского имущества, приходо-расходные книги, сыскные дела по поводу насельниц Горицкого монастыря, многочисленные указные грамоты и другие документы о пострижении отложились в РГАДА, Архиве СПБ ИИ РАН, Государственном архиве Вологодской области, отделе рукописей РНБ, отделе рукописей РГБ, отделе письменных источников ГИМ (см. список литературы). Опись имущества, приходо-расходные книги и указные грамоты с протокольной точностью фиксировали факты пострижения и некоторые обстоятельства последнего и в этом смысле заслуживают доверия. Их анализ дает возможность рассмотреть судьбы ряда женщин, связанных с монастырем, и, по словам источника, «быть им в лицах».

Основным методом исследования является антропологический подход. Автор ставит своей задачей проследить индивидуальные судьбы насельниц. При таком подходе внимание автора обращено не к неким усредненным данным, а к многообразной картине пополнения обители.

Дискуссия. Полноценное исследование того, как формировалось монастырское сестричество в средневековой России, до сих пор не предпринималось. В историографии и популярной литературе часто подчеркивается, что Горицкий монастырь был местом пребывания представительниц элиты Русского государства начиная с княгини Ефросиньи Андреевны Старицкой. В истории монастыря, составленной в XIX в. в самой обители, утверждается, что «ряд именитых стариц не прерывался и в XVII столетии» [18, с. 305]. Швейцарская исследовательница Нада Бошковска во всеобъемлющем труде о русской женщине XVII в. кратко рассмотрела причины пострига, указав, что в монастырях могли оказаться нежеланные жены, нелюбимые дочери, заболевшие, душевнобольные, бездетные и бедные. По ее словам, монастыри «слыли свалкою нелюбимых жен» [1, с. 380–381].

Анализ. Среди пострижениц Воскресенского Горицкого монастыря было немало представительниц из числа родни членов Государева двора и даже царской, а также родственниц других служилых людей высокого

и среднего ранга. Летописные сведения об основательнице монастыря великой княгине Ефросинии Андреевне Старицкой, матери двоюродного брата Ивана IV Владимира Андреевича Старицкого, дополняются материалами вкладных книг Кирилло-Белозерского монастыря. Княгиня Ефросинья была убита в 1569 г. по приказу царя. Одновременно с ней в монастыре жила и, вероятно, вместе с ней погибла инокиня Александра, в миру княгиня Соломонида Константиновна Хованская [27]. Известны документы, связанные как с прибытием в Горицы в 1584–1586 гг., так и отъездом в 1604 г. Анны Колтовской, четвертой жены Ивана IV Грозного, в иночестве старицы Дарьи [28]. В 80-е гг. XVI в. в Горицах пребывала также старица Агафья, вдова астраханского царевича Михаила Кайбулатовича. В 1597/98 г. во вкладной книге Кирилло-Белозерского монастыря упоминается старица Софья, в миру княгиня Соломонида Григорьевна Голицына, урожденная Желябужская [13, с. 13].

Переходя к XVII в., отметим, что в 1606–1609 гг. в Горицах проживали: инокиня Ирина – дочь князя Ивана Федоровича Мстиславского, старица Параскева – Пелагея Михайловна Соловая, вторая жена царевича Ивана Ивановича, старица Марья Скуратова. Известен документ о пострижении там в 1651 г. княжны Марфы Андреевны Шаховской, в иночестве Максимиллы, по-видимому, дочери московского дворянина Андрея Федоровича Шаховского. Несколько монастырских документов 2-й половины XVII в. связано со старицей Досифеей, в миру княжной Евдокией Яковлевной Черкасской, дочерью боярина князя Якова Куденетовича Черкасского [32; 35].

Основательница обители княгиня Ефросиния Старицкая не просто искала убежища на случай политического краха, она видела делом жизни обустройство нового монастыря, в котором «обет свой положила» [14, с. 368; 27, 379–383]. Данный случай пострижения был формой скрытой царской опалы, хотя, согласно летописному свидетельству, Ефросиния сама просила царского разрешения постричься. После того, как в 1563 г. ушла из мира, она создала в обители золотошвейную мастерскую, благодаря которой Горицы стали одним из центров

женского рукоделия [31, с. 64, 65]. Но монастырь не смог уберечь княгиню. Она погибла в ходе репрессий Ивана IV против ее сына, князя Владимира Старицкого [30, с. 262, 490].

Инокиня Дарья, еще одна жертва царского гнева, прибыла в Горицкий монастырь из Покровского Суздальского монастыря. В 1584–1586 гг., уже после смерти Ивана IV, она сама подала челобитную о переводе в Горицы, возможно, желая занять опустевшее после смерти Е.А. Старицкой место его покровительницы [28, с. 141, 142]. Но на этом она не успокоилась и в 1604 г. добилась возможности переселиться из Гориц в Тихвинский Введенский монастырь, чтобы там «общину устроить» [28, с. 143, 144, 147, 148]. Как видим, насильно постриженная бывшая царица имела возможность дважды выбрать место монашеского подвига по своему желанию.

Наряду с насильственными пострижениями представительниц знати известны случаи добровольного удаления от мира. Так, боярская дочь инокиня Досифея постриглась в кремлевском Вознесенском монастыре, а потом (не позднее 1679 г.) переехала из Москвы в Горицы, где занялась обустройством обители [21; 41]. Ее отец был одним из богатейших земельных собственников страны, и его дочь не только позволяла себе щеголять в Горицком монастыре в богатых монашеских одеждах, но и трудилась на благо обители, используя свои связи и денежные средства.

В Горицком монастыре постригались женщины из семей белозерских служилых людей. Данные грамоты указывают, например, что, возможно, там постриглась жена сына боярского Истома Буракова (давшего вклад в обитель в 1569/70 г.), а также мать, сестра и жена белозерского помещика Киприана Ашушкина (вклад 1684 г.) [2, л. 98–100; 3, л. 453 об., 454]. На это же указывают и другие дворянские фамилии в перечнях горицких стариц второй половины XVII в.: Евфимия Варсобиная, Марфа Ендоурова, Марфа Моложенинова [19, с. 282; 21].

Нередко причина пострига определялась принадлежностью к среде духовенства. В приходных книгах упоминаются вклады за пострижение в Горицком монастыре женщин из семей священников и монашествующих: в 1651 г. – за Фомаиду, племянницу строителя

Никитского монастыря Павла; в 1654/55 г. – за Макриду, дочь архимандрита Кириллова монастыря Митрофана, и за Улиту, дочь монаха Ферапонтова монастыря Афанасия; в 1658 г. – вклад Варсонофии, вдовы слуги Кириллова монастыря Осипа Новгородца, в миру Варвары Семеновы дочери; вклад Фотиньи, вдовы священника Тимофея Кощеевского, в миру Федосьи Ивановой дочери; вклад попадьи Федосьи Ивановой из Чуровской волости. В документах упоминаются старицы Романа и Юлиана Кулюксины – вероятно, родственницы иконописца Кириллова монастыря Нектария Кулюксина [21; 24; 25].

Разумеется, в числе монахинь были и крестьянки. Сохранилась память бобыля Чаромского погоста Кириллова монастыря Петра Иванова об отпуске своей жены Мавры в Горицкий монастырь в связи с ее болезнью в 1676 году. В горицких документах монахини зачастую перечисляются с прозвищем, аналогом фамилии, происходящим от крестьянских волостей Белозерья: Марфа Андожская, Досифея Боровлянка, Еликонида Вогнемка и т. д. [21; 24; 25]. Также встречаются прозвища, которые указывают на принадлежность к посаду: Анисья Белозерка, Александра Каргополка, Досифея Вологжанка, Марфа Моложанка. Во вкладных книгах Кириллова монастыря упоминаются даяния горицких монахинь родом из Каргополя, в том числе представительниц каргопольского рода посадских людей Мохнаткиных [13, с. 14, 18].

Горицкий монастырь был единственным женским в Белозерье, только здесь могли принять постриг женщины из округи и ближних уездов. Сохранились данные грамоты в Кирилло-Белозерский монастырь, куда завещались земельные угодья, а за это женщин (обычно это жены или матери вкладчиков) должны были постричь в Горицкий монастырь, и там их «покоить», то есть обитель воспринималась как богадельня, желанное место в старости, вдовстве или болезни. Иногда сами женщины делали земельные пожалования, например, старица Агафья, вдова царевича Михаила Кайбулатовича, в 1586/87 г. дала вкладом деревню Оладыно в Коломенском уезде и село Юрцево в Ростовском уезде стоимостью в 500 руб., за что ее должны были «покоить» в Горицком монастыре [4,

л. 623, 623 об.]. Известен случай, когда сам государь Алексей Михайлович в 1651 г. указал «постричь княжну Марфу княж Андрееву дочь Шеховского, а на вклад дано ей нашего великого государя жалованья сто рублей денег» [35]. Правда, причина пострига в данном случае неизвестна.

В обычае было, что при пострижении мужа в Кирилло-Белозерский монастырь его жена, а также другие родственницы постригались в соседнем Горицком. В упомянутых выше случаях с женщинами из семей белозерских служилых людей в 1569/70 г. сын боярский Истома Бураков дал вкладом в Кириллов монастырь деревню Панфилово в Посельской волости Городецкого стана Угличского уезда «по своей душе и по своих родителей», оговорив свой постриг «в Кирилове монастыре, а жену мою пожаловать постричь у Воскресения Христова в девичи монастыри в Горах» [3, л. 453 об., 454]. Белозерский дворянин Киприан Ашушкин в 1684 г. обменял свои вотчины в Белозерском и Московском уездах на вотчину Кирилло-Белозерского монастыря в Дмитровском уезде, оговорив, что после его смерти или пострига его жену и сестру примут в Горицкий монастырь, где уже жила его мать [2, л. 98 – 100 об.].

Хотя по обычаю постриг в Горицкий монастырь сопровождался вкладом, бывали исключения. В 1673 г. патриарх Питирим распорядился о безвкладном пострижении и содержании в Горицком монастыре крестьянской девки Федосьи Гавриловой, которая «скорбит болезнию и кормится Христовым именем, а учена-де она грамоте, а отца и матери и сродников у нее никою нет» [34]. В данном случае патриарх счел необходимым пояснить причину отсутствия вклада.

Без вклада в монастырь принимали родственниц воинов, павших на государственной службе. Так, в 1677 г. безвкладно была принята «безместная» (то есть не устроенная в монастыре) уже постриженная Ираида Руднева, родные которой служили царю Алексею Михайловичу «многие годы и побиты на нашего великого государя службах» [38]. В 1683 г. Василиса, вдова Костянтина Перфульева, жаловалась, что у нее «обещание... постричься на Белеозере в Горицком девиче монастыре, а вкладу ей за бедностью дать нечево», так

как ее четыре сына погибли «на наших великих государей службах, а пятой сын ранен, изрублен тяжелыми раны». Указом царей Ивана V и Петра I она получила разрешение в будущем быть постриженной «на убылое место» [6].

Однако известны случаи пострижений, когда уход в монастырь не был желанной целью женщины. В ситуации вынужденного пострига социальная принадлежность не играла роли: жены служилых людей, крестьян или посадских одинаково могли стать монахинями или в наказание за свое поведение, или оказавшись жертвами произвола своих мужей.

На постриге могла настаивать семья из-за недостойного поведения или болезни ее членов. Так, в документе 1659 г. упоминается помещицы дочь Анна Довотчикова, которая «в девках плутала и от отца с мужиком бегала, и от того стыда ради она и пострижена» [16]. Пострижение могло произойти из-за болезни, например слепоты: в 1676 г. бобыль Чаромского погоста Кириллова монастыря Петр Иванов отпустил жену свою Мавру в Горлицкую обитель «за немощь, что очми скорбна, постричись» [20]. В этом случае нельзя сказать, была ли болезнь действительной причиной или лишь поводом пострига.

Но имеется много прямых свидетельств пострига жен по воле мужей, не желавших с ними жить. В 1654 г. монахиня Анисья, в миру жившая в селе Старом Никольском Авнежской волости Вологодского уезда, жаловалась, что ее бывший муж крестьянин Терентий Нестеров «не похотел» с ней жить, и она «по договору с ним» постриглась в монашество, причем он «дал на себя запись» давать ей «погодно корм по полторы четверти ржи да овса по тому же» [42]. В данном случае «договор» означал не добровольность пострижения, а обязательство мужа содержать свою бывшую жену.

Развод (как и заключение брака) был делом духовной власти, и светское законодательство его не предусматривало. Решение постричься было главной причиной, по которой супруги могли получить благословение не жить долее вместе. Поэтому желавшие разойтись с женами мужья прибегали зачастую к жестоким способам, чтобы заставить жену уйти в монастырь.

Вынужденность пострижения нередко была связана с тем, что муж жил с другой. Чтобы избавиться от жены, применялось как прямое физическое насилие, доходившее до членовредительства, так и лишение пропитания. В 1659 г. вологжанка Анютка Иванова дочь била челом архиепископу Маркеллу на своего мужа Григорья Прокопьева сына, который «пьет безобразно», живет «с чюжими», а ее «бьет и мучит без вины напрасно». 20 июля, по ее словам, он «збил меня з двора в одном сараненьке», заявив: «а ко мне-де не приходи, мой-де грех, а твой де-рок». Григорий обещал ее убить, если она вернется, поэтому Анютка «от таковы муки и от позорно-во житья» согласилась принять монашеский постриг [39]. В 1655/56 г. такая участь постигла Наталью, жену помещика Андрея Иванова сына Арамейкова. Согласно ее челобитной архиепископу, она «от ево налоги и от напрасные муки, и от ево беззаконного житья постриглась» [43].

Примерно в это же время белозерец Иван Мещеренинов, прожив 12 лет с женой Каптелиной, сестрой вологодского помещика Ивана Хлюденева, завел себе любовницу, дворовую девку Матренку, а жену свою «возненавидел» и стал добиваться ее ухода в монастырь. Если верить ее челобитной, он ее «мучил всякими муками, и ноги переломал, и голову испробил, и саблею рубил, и огнем жег, и ногу де-правую прочь отломил; и ныне-де она от него, Ивана, стала глуха и слепа и ничем не владеет». В 1668/69 г. Каптелина постриглась в монашество, причем Мещеренинов лишь под давлением бывшего зятя Хлюденева согласился внести за нее вклад и оплатить приобретение кельи и коровы [7].

Однако, если женщина проявляла твердость и при этом у нее находились сильные защитники, готовые принять участие в рассмотрении этого дела (например, как в данном случае, поручиться за ее мужа), она имела шанс сохранить брак. Известен случай, когда в 1647 г. вологжанка Марина Васильева дочь била челом архиепископу Маркеллу на своего мужа Якима Ширинкина, который, по ее словам, «не поит меня, не кормит, <...> и одежи и обуви на меня не кладет». Все это он делал, желая побудить ее уйти в монастырь. Однако Марина заявила архиепископу:

«...Мне, государь, постричися не хочет<ся> и кормитца нечем». Ей удалось добиться проведения розыска, в результате которого Яким обязался «жить <...> с нею, как иные мужи з женами живут», предполагалось, что он ее «поит, и кормит, и одевает, и обуваит, а силою ее не постричь, руки ноги не изломить, и глаза не выколоть». В этом деле за Якима поручились «ямской староста Петр Никитин» и вологодские ямщики. Если бы он не выполнил своего обещания, ямщики должны были выплатить пеню, «что государь архиепискуп укажет» [5]. По-видимому, Яким был вынужден считаться со своими поручителями, хотя окончательный исход дела нам не известен.

Церковь негативно относилась к практике насильственного пострижения, наказывая причастных к этому священнослужителей. Так, в 1686 г. в Спасо-Каменный монастырь под надзор был прислан Иоаким, бывший строитель Новонысомского монастыря Пензенского уезда, «за ево плутовство, что он ездил с Москвы в князь Михайлову деревню Вологодского Болховского постригать жену ево княгиню Ксенью беззаконно, поневоле» [40]. Тем не менее, как было показано, на деле случаи если не насильственного, то вынужденного пострижения были далеко не единичны.

Отдельным вопросом является использование монастырей в качестве мест заключения. Для некоторых женщин Горицкий монастырь служил местом ссылки по религиозным и уголовным делам. В 1636 г. туда была послана «под начал» к игуменье «новокрещенная жонка немка Огрофенка». Перейдя в православие, она веру «ныне нарушила и впредь в православной крестьянской вере быть не хочет». Монастырь в этом случае становился местом перевоспитания. Патриарх Иоасаф предписал властям Кирилло-Белозерского монастыря послать в Горицкий монастырь «черного попа или старца духовна и искусна добра, которой бы божественных писаний довольно исполнен, и велели ему тое новокрещенную жонку немку Огрофенку в духовне с игуменьей и с сестрами навещати» [37].

На жительство в Горицкий монастырь отправляли мусульманок. В 1657 г. в Горицах находилась касимовская царица Фатима. О ней известно, что, уже находясь там, с раз-

решения «собора» она трижды брала займы деньги, в общей сложности на 21 рубль [22]. В 1658 г. по распоряжению патриарха Никона Фатима получила возможность вернуться в Касимов. Перед отъездом она вернула долг [25, л. 2]. 21 февраля 1658 г. при отъезде Фатиме, ее приказным и «людям» горицкие старицы поднесли «белозерской рыбы и братин корелчатых чашек и ложек репчатых и шадровых» на 1 рубль 30 алтын [23, л. 15 об., 16; 25, л. 14, 14 об.]. Таким образом, Фатима пребывала в монастыре именно как царица со своей свитой и на свой счет. Однако содержание иноверки в православном монастыре следует оценивать как своего рода ссылку.

В 1657 г. в Кириллов и Горицкий монастыри прислали крымских полоняников Магомета Дюденева, Ахмета Мевлекова, жонку Батьму Батаулову да девку Апшейку Бовбекову. Очевидно, двух мужчин заключили в Кириллове, а женщину в Горицком монастыре. Их предписывалось кормить «монастырской рядовой пищей», а если пленники «учнут бити челом о крещении в православную веру», то власти монастырей должны написать об этом в Москву [36].

Наконец, в монастыри заключали, как известно, староверов. В 1681 г. в Горицкий монастырь была сослана «раскольница» Анна Хилкова, которая, несмотря на все предписанные строгости и усиленный контроль, в 1685 г. сбежала оттуда [29, с. 7–14].

Частым явлением был перевод провинившихся инокинь в другую обитель, который при определенных обстоятельствах означал тоже своего рода ссылку. В 1665 г. в Горицы прибыла бывшая игуменья Рождественского монастыря, «что на Москве у Трубы», Ираида Еганова. Ее предписывалось «держатъ под крепким началом и с монастыря никуды спускать» [37]. В 1667 г. в Горицкий монастырь была сослана старица Покровского Суздальского монастыря Параскева по обвинению, что она «игуменья была непослушна» [15]. В декабре 1682 г. крылошанки московского Вознесенского монастыря Евфимия и Петранида «за бисчинное и растленное их житие посланы под начал» в Горицкий монастырь. Через два года горицкая игуменья Евфимия била челом патриарху, что «ссыльная Петранида живет у них в монастыре не в послушании

и не по монастырскому чину, многих себе подобных и непостоянных смущает и приводит на всякие мятежи», и просила выслать ее в иной монастырь. Тем не менее патриарх приказал оставить обеих в Горицах, ужесточив им содержание [33].

Известны случаи, когда наказанием за уголовное преступление являлась ссылка в монастырь и пострижение, а иногда им заменялась смертная казнь [11]. Так, в ноябре 1676 г. из приказа Большого Дворца была послана в Горицкий монастырь «жонка Анница Иванова», которая «в убийственном деле была окопана пять дней», но вместо смерти было велено ее «по ее обещанию постричь тотчас» и держать «под крепким началом» [8]. В 1697 г. в Горицкий монастырь была прислана Фетюшка Леонтьева дочь, «дворовая жонка» стольника князя П.А. Голицына. «По розыскному делу в убийстве мужа ее Аврамки Иванова» она подлежала смертной казни, но царь Петр I ради «поминовения блаженных памяти» своих брата и матери велел бить ее кнутом и постричь в Горицком монастыре, «и быть ей там безвыходно». По Соборному уложению за умышленное убийство мужа полагалась смертная казнь. Однако в самодержавной России царская воля была высшим законом, и в данном случае пострижение оказалось милостью [12].

Похожий случай имел место в 1699–1700 годах. Аринка Андреева дочь, вдова солдата Преображенского полка Дмитрия Шемарулина, «за воровство ее» вместо смертной казни была бита кнутом и сослана в Горицкий монастырь, где должна была находиться «до кончины живота ея». Однако она оттуда, видимо, сбежала, и 1 июня 1700 г. ее поймали уже в Москве с краденой шубкой и треухом. После этого она была опять «бита на козле кнутом» и отправлена обратно в Горицкий монастырь, чтобы «держаться под самым крепким началом в монастырских трудах до кончины живота ее и смотреть того накрепко, чтоб она ис того монастыря не ушла и впредь на Москву не являлась» [9].

Наконец, еще один случай попадания в обитель отмечен в июне 1685 года. По грамоте царей Ивана V и Петра I из Москвы в Горицкий монастырь была прислана «за воровские непристойные слова жонка Паран-

ка». Что это были за непристойные слова, неизвестно, но, поскольку они именуются также «воровскими», в них, видимо, содержался (или подозревался) некий выпад против власти. Если бы Паранка пожелала принять постриг, «о пострижении ее велели учинить по своему рассмотрению», если же «объявится хотя в малом каком воровстве или в непристойных словах», ее следовало «держаться в тюрьме с великим бережением». После пострижения за ней необходимо было следить, чтобы «она тем не освободилась, и в той свободе ис того монастыря куды не ушла, и над собою какова дурна не учинила» [10]. Таким образом, сам факт пострижения менял жизнь заключенной в монастыре, из колодницы она превращалась в монахиню, что предполагало определенную свободу. Вероятно, Паранка постриг не приняла и не успокоилась, так как в июле 1686 г. из Москвы пришла грамота с требованием «жонку вдову черкаску Паранку» отправить в Вологду, так как она подлежала ссылке в Сибирь [11]. В данном случае царская воля допускала постриг, но в конце концов было принято решение о более строгом наказании.

Результаты. Исследование комплекса сохранившихся документов показало, что Горицкий монастырь в XVII в. пополнялся женщинами, происходившими из самых разных социальных слоев – от крестьянок и жительниц городов до представительниц высшей знати. Для первых монастырь был ближайшим или даже единственным возможным местом пострига. Среди причин принятия монашества, которые отразились в источниках, известны: постриг супруга, желание отца сбыть с рук неустроенных дочерей, стремление обрести материально обеспеченную старость. Особым случаем был постриг по воле мужа, желавшего избавиться от нелюбимой жены. Для родственниц монастырских насельников и священников монастырская стезя являлась в XVII в. естественной и закономерной. Согласно материалам Горицкого монастыря, вклады за пострижение составляли от 5 до 10 рублей. Безвкладное пострижение было возможно по прямому распоряжению царя.

Для ряда женщин Горицкий монастырь стал местом ссылки. Причиной могло быть как неподобающее поведение монахинь из ме-

нее отдаленных от Москвы монастырей, так и неподчинение церковным властям по религиозным причинам. В ряде случаев монастырь становился местом пребывания женщин, совершивших государственное или уголовное преступление. Наконец, в Горицах могли оказаться женщины неправославного вероисповедания, для которых монастырь становился местом заключения или интернирования.

Столь различные мотивы пострижения или просто содержания в горицкой обители во второй половине XVI – XVII в. позволяют сделать вывод о том, что удаление «от мира» за монастырские стены не означало разрыва связей с ним. Монастырь оставался неотъемлемой частью московского общества и государственных институтов средневековой России, пронизанных религиозной идеей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бошковская Н. Мир русской женщины XVII века. СПб.: Алетейя, 2014. 524 с.
2. Данная грамота К.М. Ашушкина в Кирилло-Белозерский монастырь. 1684 г. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). AI 16. № 46. Л. 98–102.
3. Данная грамота И.В. Буракова в Кирилло-Белозерский монастырь. 1569/1570 г. // ОР РНБ. AI 17. № 889. Л. 453 об. – 454.
4. Данная грамота старицы княгини Агафьи в Кирилло-Белозерский монастырь. 1586/1587 г. // ОР РНБ. AI 17. № 947. Л. 623 – 623 об.
5. Дело о конфликте между Якимом и Мариной Ширинкиными. 1647 г. // Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее – Архив СПбИИ РАН). Колл. 117. Оп. 1. Д. 170. 6 сст.
6. Дело о пострижении в монашество вдовы В. Перфульевой. 1684 г. // Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 1260. Оп. 1. Д. 6106. 6 сст.
7. Дело о пострижении в монашество К. Мещерининовой. 1667 г. // Архив СПбИИ РАН. Колл. 117. Оп. 1. Д. 683. 12 сст.
8. Дело о пострижении в монашество помилованной А. Ивановой. 1676 г. // Архив СПбИИ РАН. Ф. 260. Оп. 1. Д. 392. 2 сст.
9. Дело о ссылке А.А. Шемарулиной в Горицкий монастырь. 1700 г. // ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 11577. 6 сст.
10. Дело о ссылке женки Паранки в Горицкий монастырь. 1685 г. // Архив СПбИИ РАН. Ф. 260. Оп. 1. Д. 471. 4 сст.
11. Дело о ссылке женки Паранки в Сибирь. 1686 г. // Архив СПбИИ РАН. Ф. 260. Оп. 1. Д. 491. 3 сст.
12. Дело о ссылке женки Фетюшки в Горицкий монастырь. 1697 г. // Архив СПбИИ РАН. Ф. 260. Оп. 1. Д. 624. 2 сст.
13. Дмитриева З. В., Сазонова Т. В. Вклады горицких старниц в Кирилло-Белозерский монастырь (вторая половина XVI – начало XVII века) // Петербургский исторический журнал. 2020. № 3 (27). С. 8–20.
14. Дополнения к Никоновской летописи // Полное собрание русских летописей. Т. 13. М.: Яз. рус. культуры, 2000. 544 с.
15. Жалованная грамота патриарха Иоасафа. 1667 г. // Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 196 (Собр. Мазурина). Оп. 2. № 79. 1 сст.
16. Изветная челобитная игуменьи Горицкого монастыря Мавры архиепископу Маркеллу. 1659 г. // ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 1590. 15 сст.
17. Кабачин И. Обитель опальных княгинь. М.: Перо, 2019. 412 с.
18. Летопись Горицкого монастыря // Кириллов. Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда: Русь, 1994. С. 288–355.
19. Отписная книга Воскресенского Горицкого девичьего монастыря отписчиков Кириллова монастыря черного попа Матвея и старца Герасима Новгородца игуменье Марфе Товарищевых // Кириллов. Историко-краеведческий альманах. Вологда: Русь, 1994. Вып. 1. С. 261–287.
20. Память бобыля Чаромского погоста П. Иванова. 1676 г. // ГАВО. Ф. 1260. Оп. 6. Д. 65. 1 сст.
21. Приходные книги Горицкого монастыря. 1683–1685 гг. // Архив СПбИИ РАН. Колл. 115. Д. 873. 11 л.
22. Приходо-расходная книга Горицкого монастыря. 1656–1658 гг. // РГАДА. Ф. 1441. Д. 1615. 14 л.
23. Приходо-расходная книга Горицкого монастыря. 1658–1659 гг. // РГАДА. Ф. 1441. Д. 1616. 42 л.
24. Приходо-расходные книги Горицкого монастыря. 1650–1656 гг. // Архив СПбИИ РАН. Колл. 115. Д. 869. 39 л.
25. Приходо-расходные книги Горицкого монастыря. 1658–1659 гг. // Архив СПбИИ РАН. Колл. 115. Д. 870. 32 л.

26. Сазонова Т. В. «Выбрать в игуменьи старицу добру и искусну»: Мавра Волоцкая – игуменья Воскресенского Горицкого монастыря // Петербургский исторический журнал. 2021. № 4. С. 7–18.
27. Сазонова Т. В. Княгиня Евфросинья Старицкая – основательница Горицкого монастыря // Труды Санкт-Петербургского института истории РАН. Вып. 7 (23). СПб.; М.: Старая Басманная, 2022. С. 377–383.
28. Сазонова Т. В. Штрихи к портрету царицы инокини Дарьи Колтовской // Новгородский исторический сборник. 2023. Вып. 20 (30). Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2023. С. 140–149.
29. Сазонова Т. В. «...Чинила Святейшей Церкви противность»: княгиня Анна Хилкова в Горицком монастыре // Петербургский исторический журнал. 2025. № 3. С. 7–18.
30. Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М.: АСТ, 2005. 496 с.
31. Сокровища Русского Севера: из собрания Кирилло-Белозерского музея-заповедника / авт.-сост. Е. Г. Щурина. Мытищи: Кирилло-Белозер. ист.-архитектур. и худож. музей-заповедник, 2014. 108 с.
32. Указная грамота патриарха Иоакима в Кирилло-Белозерский монастырь. 1681 г. // Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 484. Д. 64. Ст. 78. 100 сст.
33. Указная грамота патриарха Иоакима в Кирилло-Белозерский монастырь. 1684 г. // РГАДА. Ф. 196 (Собр. Мазурина). Оп. 2. № 112. 1 сст.
34. Указная грамота патриарха Питирима в Кирилло-Белозерский монастырь. 1673 г. // Архив СПбИИ РАН. Ф. 260. Оп. 1. Д. 360. 1 сст.
35. Указная грамота царя Алексея Михайловича в Кирилло-Белозерский монастырь. 1651 г. // РГАДА. Ф. 196. Оп. 2. № 64. 1 сст.
36. Указная грамота царя Алексея Михайловича в Кирилло-Белозерский монастырь. 1657 г. // РГАДА. Ф. 196. Оп. 2. № 56. 1 сст.
37. Указная грамота царя Алексея Михайловича в Кирилло-Белозерский монастырь. 1665 г. // РГАДА. Ф. 196. Оп. 2. № 74. 4 сст.
38. Указная грамота царя Федора Алексеевича в Кирилло-Белозерский монастырь. 1676 г. // Архив СПбИИ РАН. Ф. 260. Оп. 1. Д. 395. 1 сст.
39. Челобитная вологжанки А. И. Прокопьевой архиепископу Маркеллу. 1659 г. // Архив СПбИИ РАН. Колл. 117. Оп. 1. Д. 479. 1 сст.
40. Челобитная игумена Иоасафа архиепископу Гавриилу. 1686 г. // Архив СПбИИ РАН. Колл. 117. Оп. 1. Д. 1707. 1 сст.
41. Челобитная игуменьи Горицкого монастыря Марфы архиепископу Симону. 1679 г. // ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 5308. 2 сст.
42. Челобитная старицы Анисьи архиепископу Симону. 1655 г. // Архив СПбИИ РАН. Колл. 117. Оп. 1. Д. 591. 1 сст.
43. Челобитная старицы Настасьи архиепископу Маркеллу. 1656 г. // Архив СПбИИ РАН. Колл. 117. Оп. 1. Д. 420. 1 сст.

REFERENCES

1. Boshkovska N. *Mir russkoj zhenshchiny XVII veka* [The World of the Russian Woman of the 17th Century]. Saint Petersburg, Aletya Publ., 2014. 524 p.
2. Dannaya gramota K.M. Ashushkina v Kirillo-Belozerskij monastyr. 1684 g. [The Contribution Letter from K.M. Ashushkin to the Kirillo-Belozersky Monastery. 1684]. *Otdel rukopisey Rossiyskoy natsionalnoy biblioteki* (hereinafter – OR RNB) [National Library of Russia, Depot of Manuscripts], AI 16, no. 46. l. 98-102.
3. Dannaya gramota I.V. Burakova v Kirillo-Belozerskij monastyr. 1569/1570 g. [The Contribution Letter from I.V. Burakov to the Kirillo-Belozersky Monastery. 1569/1570]. *OR RNB* [National Library of Russia, Depot of Manuscripts], AI 17, no. 889, l. 453 r. - 454.
4. Dannaya gramota staricy knyagini Agafyi v Kirillo-Belozerskij monastyr. 1586/1587 g. [The Contribution Letter from Nun Princess Agafya to the Kirillo-Belozersky Monastery. 1586/1587]. *OR RNB* [National Library of Russia, Depot of Manuscripts], AI 17, no. 947, l. 623-623 r.
5. Delo o konflikte mezhdru Yakimom i Marinoj Shirinkinyami. 1647 g. [The Inquiry of a Conflict Between Yakim and Marina Shirinkins]. *Sankt-Peterburgskij institut istorii RAN* (hereinafter – SPbII RAN) [St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], coll. 117, inv. 1, d. 170. 6 scrolls.
6. Delo o postrizhenii v monashestvo vdovy V. Perfulyevoy. 1684 g. [The Case of Taking a Veil by V. Perfulyeva]. *Gosudarstvennyy arkhiv Vologodskoy oblasti* (hereinafter – GAVO) [State Archives of Vologda Region], f. 1260, inv. 1, d. 6106. 6 scrolls.

7. Delo o postrizhenii v monashestvo K. Meshcherininovoj. 1667 g. [The Case of Taking a Veil by K. Meshcherinova]. *SPbII RAN* [St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], coll. 117, inv. 1, d. 683. 12 scrolls.
8. Delo o postrizhenii v monashestvo pomilovannoj A. Ivanovoj. 1676 g. [The Case of the Taking a Veil by Pardoned A. Ivanova. 1676]. *SPbII RAN* [St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 260, inv. 1, d. 392. 2 scrolls.
9. Delo o ssylke A.A. Shemarulinoj v Gorickij monastyr. 1700 g. [The Case of A.A. Shemarulina's Exile to the Goritsky Nunnery. 1700]. *GAVO* [State Archives of Vologda Region], f. 1260, inv. 1, d. 11577. 6 scrolls.
10. Delo o ssylke zhonki Paranki v Gorickij monastyr. 1685 g. [The Case of Paranka's Exile to the Goritsky Nunnery. 1685]. *SPbII RAN* [St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 260, inv. 1, d. 471. 4 scrolls.
11. Delo o ssylke zhonki Paranki v Sibir. 1686 g. [The Case of Paranka's Exile to Siberia. 1686]. *SPbII RAN* [St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 260, inv. 1, d. 491. 3 scrolls.
12. Delo o ssylke zhonki Fetiushki v Gorickij monastyr. 1697 g. [The Case of Fetiushka's Exile to the Goritsky Nunnery]. *SPbII RAN* [St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 260, inv. 1, d. 624. 2 scrolls.
13. Dmitriyeva Z.V., Sazonova T.V. Vklady gorickikh staric v Kirillo-Belozerskij monastyr (vtoraya polovina XVI – nachalo XVII veka) [Donations of Goritsky Nuns to the Kirillo-Belozersky Monastery (The Second Half of the 16th – Beginning of the 17th Century)]. *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal* [Petersburg Historical Journal], 2020, no. 3 (27), pp. 8-20.
14. Dopolneniya k Nikonovskoy letopisi [Additions to the Nikon Chronicle]. *Polnoe sobraniye russkikh letopisej. T. 13* [The Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 13]. Moscow, Yaz. rus. kultury Publ., 2000. 544 p.
15. Zhalovannaya gramota patriarkha Ioasafa. 1667 g. [Commendation Letter from Patriarch Joasaph]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* (hereinafter – RGADA) [Russian State Archives of Ancient Documents], f. 196, inv. 2, no. 79. 1 scroll.
16. Izvetnaya chelobitnaya igumenyi Gorickogo monastyrya Mavry arkhiepiskopu Markellu. 1659 g. [Denunciation letter of Mavra, Abbess of the Goritsky Nunnery, to Archbishop Markell. 1659]. *GAVO* [State Archives of Vologda Region], f. 1260, inv. 1, d. 1590. 15 scrolls.
17. Kabachin I. *Obitel opalnykh knyagin* [The Convent of the Disgraced Princesses]. Moscow, Pero Publ., 2019. 412 p.
18. Letopis Gorickogo monastyrya [Chronicle of the Goritsky Nunnery]. *Kirillov. Istoriko-kraevedcheskiy almanakh. Vyp. 1* [Kirillov. Historical and Local History Almanac. Iss. 1]. Vologda, Rus Publ., 1994, pp. 288-355.
19. Otpisnaya kniga Voskresenskogo Gorickogo devichyego monastyrya otpischikov Kirillova monastyrya chernogo popa Matveya i starca Gerasima Novgorodca igumenye Marfe Tovarishchevykh [The Handover Book of the Voskresensky Goritsky Nunnery Written by Black Priest Matvey and Monk Gerasim of Novgorod, to Abbess Marfa Tovarishcheva]. *Kirillov. Istoriko-kraevedcheskiy almanakh* [Kirillov. Historical and Local History Almanac]. Vologda, Rus Publ., 1994, iss. 1, pp. 261-287.
20. Pamyat bobylya Charomskogo pogosta P. Ivanova. 1676 g. [Memorial by P. Ivanov, Bobyl of Charomsky Churchyard. 1676]. *GAVO* [State Archives of Vologda Region], f. 1260, inv. 6, d. 65. 1 scroll.
21. Prikhodnye knigi Gorickogo monastyrya. 1683–1685 gg. [Income Books of the Goritsky Nunnery. 1683–1685]. *SPbII RAN* [St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], coll. 115, d. 873. 11 l.
22. Prikhodo-raskhodnaya kniga Gorickogo monastyrya. 1656–1658 gg. [Income and Expense Book of the Goritsky Nunnery. 1656–1658]. *RGADA* [Russian State Archives of Ancient Documents], f. 1441, d. 1615. 14 l.
23. Prikhodo-raskhodnaya kniga Gorickogo monastyrya. 1658–1659 gg. [Income and Expense Book of the Goritsky Nunnery. 1658–1659]. *RGADA* [Russian State Archives of Ancient Documents], f. 1441, d. 1616. 42 l.
24. Prikhodo-raskhodnye knigi Gorickogo monastyrya. 1650–1656 gg. [Income and Expense Books of the Goritsky Nunnery. 1650–1656]. *SPbII RAN* [St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], coll. 115, d. 869. 39 l.
25. Prikhodo-raskhodnye knigi Gorickogo monastyrya. 1658–1659 gg. [Income and Expense Books of the Goritsky Nunnery]. *SPbII RAN* [St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], coll. 115, d. 870. 32 l.
26. Sazonova T.V. «Vybrat v ygumenyi staritsu dobru i iskusnu»: Mavra Volotskaya – igumenya Voskresenskogo Goritskogo monastyrya [“To Elect a Good and Skillful Abbess”: Mavra Volotskaya, Abbess of the Goritsky Convent]. *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal* [Petersburg Historical Journal], 2021, no. 4, pp. 7-18.
27. Sazonova T.V. Knyaginya Evfrosinya Starickaya – osnovatel'nica Gorickogo monastyrya [Princess Euphrosyne Staritskaya – Founder of the Goritsky Nunnery]. *Trudy Sankt-Peterburgskogo instituta istorii RAN*.

Вып. 7 (23) [Proceedings of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences. Iss. 7 (23)]. Saint Petersburg, Moscow, Staraya Basmannaya Publ., 2022, pp. 377-383.

28. Sazonova T.V. Shtrikhi k portretu caricy inokini Daryi Koltovskoj [Strokes to the Portrait of the Tsarina Nun Daria Koltovskaya]. *Novgorodskiy istoricheskiy sbornik*. 2023. Вып. 20 (30) [Novgorod Historical Collection. 2023. Iss. 20 (30)]. Veliky Novgorod, NovGU im. Yaroslava Mudrogo, 2023, pp. 140-149.

29. Sazonova T.V. «...Chinila Svyatejshej Cerkvi protivnost»: knyaginya Anna Khilkova v Gorickom monastyre [“...She Was Doing the Opposite to the Holy Church”: Princess Anna Khilkova in the Goritsky Nunnery]. *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal* [Petersburg Historical Journal], 2025, no. 3, pp. 7-18.

30. Skrynnikov R.G. *Ivan Groznyj* [Ivan the Terrible]. Moscow, AST Publ., 2005. 496 p.

31. Shchurina E.G., ed. *Sokrovishcha Russkogo Severa: iz sobraniya Kirillo-Belozerskogo muzeya-zapovednika* [Treasures of the Russian North: from the Collection of the Kirillo-Belozersky Museum-Reservate]. Mytishchi, Kirillo-Beloz. ist.-arhitekt. i hudozh. muzej-zapovednik, 2014. 108 p.

32. Ukaznaya gramota patriarkha Ioakima v Kirillo-Belozerskiy monastyr. 1681 g. [Order of Patriarch Joachim to the Kirillo-Belozersky Monastery. 1681]. *Otdel pismennykh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [State Historical Museum. Department of Written Sources], f. 484, d. 64, scroll 78. 100 scrolls.

33. Ukaznaya gramota patriarkha Ioakima v Kirillo-Belozerskiy monastyr. 1684 g. [Order of Patriarch Joachim to the Kirillo-Belozersky Monastery. 1684]. *RGADA* [Russian State Archives of Ancient Documents], f. 196, inv. 2, no. 112. 1 scroll.

34. Ukaznaya gramota patriarkha Pitirima v Kirillo-Belozerskiy monastyr. 1673 g. [Order of Patriarch Pitirim to the Kirillo-Belozersky Monastery. 1673]. *SPbII RAN* [St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 260, inv. 1, d. 360. 1 scroll.

35. Ukaznaya gramota caria Alekseja Mihailovicha v Kirillo-Belozerskiy monastyr. 1651 g. [Order of Tsar Alexei Mikhailovich to the Kirillo-Belozersky Monastery. 1651]. *RGADA* [Russian State Archives of Ancient Documents], f. 196, inv. 2, no. 64. 1 scroll.

36. Ukaznaya gramota caria Alekseja Mihailovicha v Kirillo-Belozerskiy monastyr. 1657 g. [Order of Tsar Alexei Mikhailovich to the Kirillo-Belozersky Monastery. 1657]. *RGADA* [Russian State Archives of Ancient Documents], f. 196, inv. 2, no. 56. 1 scroll.

37. Ukaznaya gramota caria Alekseja Mihailovicha v Kirillo-Belozerskiy monastyr. 1665 g. [Order of Tsar Alexei Mikhailovich to the Kirillo-Belozersky Monastery. 1665]. *RGADA* [Russian State Archives of Ancient Documents], f. 196, inv. 2, no. 74. 4 scroll.

38. Ukaznaya gramota caria Fiodora Alekseevicha v Kirillo-Belozerskiy monastyr. 1676 g. [Order of Tsar Fyodor Alekseevich to the Kirillo-Belozersky Monastery. 1676]. *SPbII RAN* [St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 260, inv. 1, d. 395. 1 scroll.

39. Chelobitnaya vologzhanki A. I. Prokopyevoy arkhiepiskopu Markellu. 1659 g. [Petition of Vologda resident A. I. Prokopieva to Archbishop Markell. 1659]. *SPbII RAN* [St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 117, inv. 1, no. 479. 1 scroll.

40. Chelobitnaya igumena Ioasafa arkhiepiskopu Gavriilu. 1686 g. [Petition of Abbot Joasaph to Archbishop Gabriel. 1686]. *SPbII RAN* [St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], f. 117, inv. 1, d. 1707. 1 scroll.

41. Chelobitnaya igumenyi Gorickogo monastyrya Marfy arkhiepiskopu Simonu. 1679 g. [Petition of Martha, Abbess of the Goritsky Nunnery, to Archbishop Simon. 1679]. *GAVO* [State Archives of Vologda Region], f. 1260, inv. 1, d. 5308. 2 scrolls.

42. Chelobitnaya staricy Anisyi arkhiepiskopu Simonu. 1655 g. [Petition of Nun Anisya to Archbishop Simon. 1655]. *SPbII RAN* [St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], coll. 117, inv. 1, d. 591. 1 scroll.

43. Chelobitnaya staricy Nastasyi arkhiepiskopu Markellu. 1656 g. [Petition of nun Nastasia to Archbishop Markell. 1656]. *SPbII RAN* [St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences], coll. 117, inv. 1, d. 420. 1 scroll.

Information About the Author

Tatyana V. Sazonova, Candidate of Sciences (History), Researcher, Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodskaya St, 7, 197110 Saint Petersburg, Russian Federation, tv saz@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0521-8717>

Информация об авторе

Татьяна Викторовна Сазонова, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН, ул. Петрозаводская, 7, 197110 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, tv saz@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0521-8717>